

Исследователи

На вопросы журнала отвечает ректор Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина Виктор Мартынов

ИНУ

– Виктор Иванович, каков, на ваш взгляд, самый значительный итог пяти лет работы вуза в университете за последние годы?

– Думаю, самым важным для нас является то, что 2010 году мы открыли статус Инновационного университета (ИИУ). Это означает, что мы можем активно организовать эффективный процесс обучения, до и провести его взаимодействие с ведущими исследовательскими. Причем этот статус достигается за счет того, что мы открыли в вузе Институт стран СНГ (ИСТС) с 29 тысяч рублей до 100 миллионов федеральных. Статус ИИУ – это не только повышение академического, но и бюджетного уровня.

– В чем заключается материальная сторона этого процесса?

– Государство выделяет большие деньги на развитие материально-технической базы – 400–450 миллионов рублей в год. При этом мы обязаны обеспечить себя оборудованием за счет бюджетных средств – 80–100 миллионов рублей в год. В том числе и с помощью «Газпрома». Программа закупки оборудования за год – 200 миллионов. На закупку новых станков мы уже договорились ряд лабораторий. Идет и работа, которая идет по плану, продвигаются и финансовые ресурсы. Программы обучения и исследования – это не только, конечно, но и то, что стоит за развитием и развитием вуза. В этом отношении он является объектом.

- Два года назад мы заработали на исследованиях 300 млн рублей, а в 2011-м – более

800 млн рублей.

Больше всего работ нам заказывают «Газпром», «Газпром нефть», «Транснефть», ЛУКОЙЛ

то оборудование и те программы, с которыми они знакомились во время учебы. В целом процесс переоборудования будет идти до 2017 года.

– А быстро согласуются планы закупок?

– Довольно быстро. Мы ведь стараемся покупать целосвязные цепочки и научного оборудования. Уже построены цепочки для исследования зерна горных пород жидкостей (нефти, газа, буровых растворов и т.д.), материаловедения (прочностные характеристики, дефектоскопия и т.п.). Закупаем суперкомпьютеры, внедряем кластерные технологии. Для нас, учитывая новый статус, важно,

прием студентов полностью по Болонской системе. Но на некоторых факультетах, например геологии и геофизики нефти и газа, остался традиционный срок обучения – пять лет. Теперь большинство студентов четыре года будут учиться, чтобы получить степень бакалавра, по сути – эквивалент магистра. Потом наиболее толковые бакалавры, осознающие, какие научные направления их привлекают, выбирают магистерские программы и получают более глубокие знания. Магистров мы готовим для проектной, научной деятельности. До 2011 года они составляли около 20% выпуска.

аспекты бурения, если человек до этого не изучал основ этой дисциплины.

БОЛЬШЕ КАФЕДР

– Эти изменения повлияли на структуру вуза?

– Мы сотрудничаем с «Промгазом», ВНИИГАЗом и другими специализированными учреждениями газовой отрасли. За счет этого у нас значительно увеличилось количество базовых кафедр: из трех стало восемь, а в этом году добавится еще три или четыре. В частности, нами была создана кафедра «Газовые технологии и подземное хранение газа», которая является совмест-

чтобы оборудование могло применяться в исследованиях, то есть привносить деньги.

– Сколько вуз зарабатывает на исследованиях?

– Два года назад – 300 млн рублей, а в 2011-м – более 800 млн рублей. Больше всего работ нам заказывают «Газпром», «Газпром нефть», «Транснефть», ЛУКОЙЛ и др. Часть заказов на исследования мы получаем от иностранных компаний – BP, Schlumberger, Petrovietnam, Vietsovpetro, «Узбекнефтегаз».

МАГИСТРЫ

– Как идет переход на Болонскую систему?

– Наш вуз последовательно вводил эту систему. И в 2011 году мы провели

– Доля вырастет?

– Ненамного. В частности, она повысится за счет бакалавров из других вузов. Все-таки подготовка по нефтегазовым специальностям идет в 42 высших учебных заведениях страны, а мы так или иначе остаемся главным нефтегазовым университетом.

– То есть ваши магистерские программы рассчитаны только на бакалавров из нефтегазовых вузов?

– Не только. Мы готовы принимать выпускников общетехнических специальностей, химиков, геологов и т.п. В принципе, даже если к нам придет человек из более отдаленной от нашего профиля области, мы готовы его принять с тем условием, что он изучит ряд базовых курсов. Ведь не имеет смысла углубленно изучать различные

нам проектом университета и «Газпром ВНИИГАЗ». Когда мы поняли, что возникла необходимость подготовки специалистов в области рационального использования топливно-энергетических ресурсов, энергосбережения, развития газоснабжения и газификации России, открыли базовую кафедру «Экономика энергосбережения» в «Газпром промгазе». А совместно с «Ипротспецгазом» мы создали кафедру «Проектирование систем транспорта газа».

– Как развивается международное сотрудничество?

– Международный вектор нашей деятельности заметно усилился. Рынки ведь непрерывно развиваются, им требуется кадровое сопровождение. Недавно мы подписали договор с E.ON Ruhrgas. А в сентябре прошлого года

- **Болонская конвенция утвердила признаваемость наших дипломов за границей. Естественно поэтому, что доля российских специалистов в крупнейших международных нефтегазовых компаниях увеличивается**

открыли специализированную аудиторию, оборудование для которой предоставила немецкая компания. Ее руководители прочитали у нас серию лекций. Думаем открыть совместную магистерскую программу с базовым немецким университетом.

Считаю, что нашему вузу целесообразно развивать сотрудничество и с другими зарубежными компаниями – Wintershall, Gazprom и т.д. Кстати, совместных магистерских программ еще два года назад было всего две, а теперь их уже шесть. Вскоре станет 15–20. Увеличивая их количество, мы преследуем простую цель – подготовить кадры для международных коллективов, работающих в совместных проектах.

Сегодня рынок труда и образования открыт, то есть теоретически любой человек может поехать работать в другую страну. Болонская конвенция утвердила признаваемость наших дипломов за границей. Естественно поэтому, что доля российских специалистов в крупнейших международных нефтегазовых компаниях увеличивается.

В целом университет сотрудничает почти с полусотней зарубежных

вузов. Например, с такими, как Институт нефти (Франция) и университет города Ставангер (Норвегия). Последний проект особенно важен в свете развития шельфовых разработок в нашей стране. Не секрет, что норвежцы – традиционные лидеры шельфового бурения. У нас, кстати, есть договор о сотрудничестве со Shtokman Development AG. В общем, мы стараемся готовить специалистов по всем новым направлениям.

У нас открыты филиалы в Ташкенте (Узбекистан) и Ашхабаде (Туркмения). В Ташкенте учатся уже пять курсов, а в Ашхабаде пока только три. Там мы готовим кадры не только для национальной нефтегазовой промышленности, но и для работы в совместных зарубежных проектах ОАО «Газпром» и других российских нефтегазовых компаниях. Отрывать в филиалах магистратуру и аспирантуру пока не планируем – принимаем на обучение в Москву. Готовых преподавательских кадров там почти нет, поэтому обучение организовано по вахтовому методу. Интересно, что в этих странах мы часто встречаем наших выпускников-иностранцев, работающих в нефтегазовых компаниях.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

– Какие новые направления, кроме шельфового бурения, вы прорабатываете?

– К примеру, у нас есть программа по сжиженному газу (включая профпереподготовку). Мы стараемся охватить все направления, которые обозначены в программе инновационного развития «Газпрома».

– А какие работы ведутся по нетрадиционным источникам газа?

– Сейчас у нас есть программа переподготовки по угольному метану.

– А газогидраты и сланцы?

– Экономика развития этих ресурсов нам непонятна. Газогидраты пока только изучаются, дальше опытной добычи в ряде регионов мира дело не идет, хотя США, Канада, Япония и в некоторые другие страны высказывают заинтересованность и работают в этом направлении. Но если промышленная добыча и будет, то не в ближайшие годы. А сланцевый газ для России малоинтересен. У нас полно традиционных запасов. Конечно, нашу страну пугают, что скоро сланцевый газ полностью обеспечит потребности Западной Европы, а наш экспорт станет не нужен. Мы изучили вопрос и пришли к выводу, что никакой сланцевый газ потребностей Западной Европы не покроет. На это есть несколько причин – в частности, для Европы плотность бурения слишком велика, что может нанести большой ущерб инфраструктуре и экологии.

– Но в Соединенных Штатах это направление развивается семимильными шагами.

– В США больше свободных площадей. Иначе говоря, физически добывать сланцевый газ в Европе можно, но технология процесса такова, что потери, к примеру, в таких областях, как туризм и сельское хозяйство, перекроют все выгоды, которые можно получить от добычи. В принципе, Китай может начать бурить на сланцы, но и там всё не столь просто.

Проблемы образования

– Какие проблемы в современном высшем образовании вы могли бы отметить?

– Главная проблема в том, что накопилось много диспропорций. Первая – Россия стремительно движется к всеобщему высшему образованию (ВО). При этом промышленности необходимо только 20–30% специалистов с ВО, которые займут руководящие должности. И тут возникает вопрос амбиций. Человек получает высшее образование и идет на работу, где он, как ему кажется, должен со временем занять одну из руководящих должностей – ведь высшее образование обязывает! Но где набрать столько подчиненных для такого количества потенциальных руководителей? Вот и сидят эти люди с дипломами всю жизнь на должностях, для которых вполне хватило бы среднетехнического или начального профессионального образования. Сейчас 80% выпускников школ поступают в вузы. Нужны механизмы мотивации, чтобы люди не стеснялись среднетехнического и начального высшего образования и могли получить престижную, высокооплачиваемую работу. Вообще сам

термин «начальное профессиональное образование» не совсем вписывается в современные реалии. Престижным образование с таким названием вряд ли будет считаться.

– А в чем вторая диспропорция?

– Закономерно, что из-за такого наплыва желающих получить ВО предпочтения людей изменились – от более востребованных технических специальностей к гуманитарным. Это вторая диспропорция. Большинство выбирает легкий путь: все-таки преодолеть конкурс может не каждый студент, и только 20% школьников выбирают ЕГЭ по физике и химии. Отрасли конкурируют за таланты детей. С 2004 года к нынешнему моменту количество выпускников стало вдвое меньше – из-за спада рождаемости, который произошел в 1990-х. Мы, конечно, не ощущаем нехватки, у нас конкурс растет, но у многих технических вузов, наоборот, падает.

Сейчас абитуриенты могут подать результаты ЕГЭ в пять вузов по трем специальностям. Но, мне кажется, поступающие не понимают, что перед ними стоит выбор профессии на всю жизнь, а решают мелкую проблему – куда бы поступить. От такого подхода

не будет толка. Процент людей, осознанно выбирающих профессию, снизился. Должна быть государственная разъяснительная работа, нормативные документы, исправляющие это положение. Мы, к счастью, занимаем особое положение, у нас в вузе большинство студентов – дети потомственных нефтяников и газовиков.

– Не планируете увеличить количество мест? Например, за счет расширения коммерческого сектора.

– Знаете, за последние годы количество выпускников других нефтегазовых вузов увеличилось в 3–5 раз. Мы так не делаем. Не думаю, что количество студентов у нас сильно изменится: оно должно быть стабильным, так как производство автоматизируется, производительность труда растет, повышается степень ответственности. Потому и требования к студентам должны расти. Необходимое отрасли количество специалистов из года в год даже имеет тенденцию к снижению, но требования к качеству специалистов и их компетенциям значительно выше. Поэтому выпускников в нашем вузе должно быть не больше, чем сегодня, но они должны быть лучше!

Беседу вел Александр Фролов